

Т. Е. Комаровская (Минск)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США

В последней трети XX — начале XXI века проблема американской идентичности становится основной и для общественно-политической мысли США, и для ее культуры. Эта проблема, общая для всех стран западного мира, особенно актуальна для США, страны, изначально состоящей из эмигрантов и прирастающей своим населением в первую очередь за счет все новых волн эмиграции.

Понятия гражданственности и национальной идентичности, естественно, не оставались неизменными на протяжении долгого исторического пути, пройденного американским государством. Наиболее рельефно формирование гражданственности и национальной идентичности отражено в романе У. Эдмондса «Барабаны над Могавком», воссоздающем жизнь колонистов во время Войны за независимость.

В интерпретации Эдмондса, в большинстве своем жители колоний считали себя подданными далекой метрополии. Отстаивая свои права, свою свободу и независимость в ходе враждебных действий английских войск, они впервые ощутили себя американцами, сражающимися за свою Родину — землю, на которой они жили. Созданный в самый разгар Великой Депрессии и наступления фашизма по всему фронту, роман Эдмондса был призван вдохнуть в американцев мужество и уверенность в победе над тяжелыми жизненными обстоятельствами напоминанием

о мужестве и стойкости их предков, отстоявших свою землю и право на свободу в сходных, по мнению автора, но еще более драматичных, исторических условиях.

Художественная задача, поставленная автором перед собой, определила пафос его романа, пафос прославления героической борьбы народа, поднявшегося на борьбу за свою землю и свои права. Этот пафос нашел выражение не только в философии истории Эдмондса, заключенной в романе, но и в идее истории, по Р. Коллингвуду, воссозданной в нем. Эдмондс показывает, насколько в начале Войны за независимость его героям, простым фермерам, безразличны идеалы Революции и насколько мало они осведомлены о том, что происходит в стране. «Простой фермер, у которого мысли заняты сеном и пшеницей, понятия не имел, из-за чего шла война ... все, что он вспоминал, это начало 1775 года, когда Батлеры и Джонсоны вместе со своим шерифом Александром Уайтом проехали по всей долине, чтобы срубить шест свободы, перед церковью Хекимера, так же, как перед этим они сделали в Канауаге» [1, с. 168]. Перемены в настроении жителей долины Могавка начинаются после первых же налетов индейцев, инспирированных руководством британских войск и жившими в долине сторонниками Короны. «Впервые они начали понимать, что только они сами смогут защитить себя» [1, с. 194]. Впрочем, пройдет немало времени, много тягот, лишений и похорон близких придется пережить фермерам долины, не раз они будут обмануты посулами Конгресса защитить их, прежде чем это понимание перерастет в конкретные действия и фермеры, организовавшись в отряды милиции, в бою с врагом ощутят, что они могут постоять за себя. Эдмондс мастерски показывает, как в боях за свою землю и независимость рождается новое чувство родины, которая для них уже тесно связана с совершающейся революцией. И вот уже герой романа Джил, фермер и только фермер до мозга костей, при виде американского флага ощущает, что он «значит нечто большее, чем флаг Континентальной армии» [1, с. 446], что он-то и знаменует победу и мир. В плане выражения авторской философии истории, того значения, которое он придает борьбе жителей долины Могавка в ходе Войны за независимость, знаменательно совпадение маленькой победы фермеров, разбив-

ших армию Батлера и очистивших т. о. долину Могавка от врага, с победой большой, победой Вашингтона над войсками Корнуоллиса в Виргинии. По мысли Эдмондса, победа американцев в Войне за независимость и образование американской нации не были бы возможны без подобных «малых» побед, без активного действия на новой основе широких народных масс, обретающих в этих боях чувство своей новой Родины.

Исторический роман Эдмондса отразил наболевшие проблемы эпохи, в которую он был создан; интерпретация истории в «Барабанах над Могавком» своим пафосом прославления активного политического действия широких народных масс и обличения классового антагонизма, проявившегося еще во времена Революции и Войны за независимость, заложенного в основу американского государства, подготовила почву для появления исторических романов Г. Фаста об американской революции.

Создается впечатление, что наиболее значительный создатель американского исторического романа XX века Г. Фаст обращается к прошлому в поисках своих корней. Двойственность этих корней определяет тематику его исторических романов. Как американец, он ищет исторические корни своей нации в событии, основном для формирования нации и ее национального сознания — в Войне за независимость, в Революции. Результатом этого поиска стала целая серия исторических романов о Революции, создаваемая им на протяжении всего его творческого пути: «Рожденная для свободы» /«Conceived in Liberty», 1939/, «Непобежденные» /«The Unvanquished», 1942/, «Гражданин Том Пейн» /«Citizen Tom Paine», 1943/, «Гордые и свободные» /«The Proud and the Free», 1950/, «Апрельское утро» /«April Morning», 1961/, «Переправа» /«The Crossing», 1972/, пьеса «Генерал Вашингтон и водяная ведьма» /«General Washington and the Water Witch», 1956/.

Как еврей, он обращается к далекому историческому прошлому своего народа, пытаюсь осмыслить его трагическую судьбу и увидеть в ней прообраз проблем, постоянно возникающих в поступательном движении человечества. В результате в его творчестве появляются такие исторические романы, как «Мои славные братья» /«My Glorious Brothers», 1948/, «Моисей, Принц Египта» /«Moses, Prince

of Egypt», 1958/, «Дочь Агриппы» /«Agrippa's Daughter», 1964/, «Торквемада» /«Torquemada», 1966/.

«Американская мечта» оживает в романе «Рожденная для свободы» на уровне идеи истории, в мечте и жизненном подвиге еврея Аарона Леви, участника восстания Костюшко, сосланного в Сибирь, бежавшего оттуда и добравшегося до Америки, чтобы сражаться за революцию, которая даст землю всем людям. В его словах: «Это — новый мир» [2, с. 62] — рождение американской мечты о новом обществе и новых людях, населяющих его. В мечте страстного приверженца революции Джейкоба, воюющего за свободную землю, на которой будет царить новый, отличный от Европы, миропорядок.

Говард Фаст в романах, посвященных Войне за независимость, делает упор на классовом характере этой войны, но и он подчеркивает общий патриотический порыв, соединяющий неимущих, солдат Революции, в борьбе за новый мир на их земле. Воссоздавая историю восстания Интернациональных бригад Пенсильванской армии (роман «Гордые и свободные»), он подчеркивает интернациональный характер американцев, объединенных патриотическим чувством гордости за рождающийся в муках новый мир, за их новую родину, единую для англичан, поляков, евреев. Фаст не проводит никакой разницы между ними. В его интерпретации Интернациональные бригады во время Войны за независимость были таковыми не только по этническому составу, но и по духу. Они ощущали себя американцами. Целью восстания, по признанию главного героя, от лица которого ведется повествование, было «не только реформировать Пенсильванский фронт Революционной армии, но ... наши жизни и нашу судьбу и жизни и судьбы народа на нашей земле...» [3, с. 43].

Говард Фаст — большой мастер исторической реконструкции, «проигрывания», по Коллингвуду, воссоздания мировосприятия людей описываемой им эпохи и общественного сознания американцев 70-80-х годов XVIII века. Он выявляет национализм, расцветший пышным цветом в революционной армии, проводниками которого были офицеры, «дворянство», и показывает, что в многонациональных бригадах между солдатами не существовало национальных разногласий или антипатий, их военное брат-

ство было скреплено вместе пролитой кровью и совместно переносимыми тяготами и лишениями. Герои Фаста исповедуют принципы Декларации Независимости и цитируют их, как свое жизненное кредо: «все люда сотворены равными; они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди них — право на жизнь, свободу, поиск счастья» [3, с. 27].

Поиск своей идентичности стал основной темой и лучших, наиболее значительных американских книг последних лет сорока, целых литературных течений: феминистской литературы, литературы национальных меньшинств (афро-американской, индейской, литературы чиканос, еврейской и других национальных групп), составляющих американский литературный пейзаж. В качестве примера можно привести мало известную на нашем географическом пространстве книгу одного из выдающихся современных американских писателей, Филиппа Рота, представляющего американскую еврейскую литературу — «Counterlife» («Другая жизнь», «Противоположная жизнь»).

«Придумывая себе другой вариант жизни, человек создает свой собственный антимиф» [4, с. 167].

Эти слова из книги могли бы стать эпиграфом к ней. В основе композиции романа лежит чисто постмодернистский прием различных вариантов развития личностей и судеб его героев, двух братьев Натана и Генри Цукерманов, евреев, живущих в США. Первые две части романа посвящены трансформации младшего брата, Генри, человека, преуспевшего, казалось бы, во всем. К тридцати восьми годам он достиг прочного положения преуспевающего дантиста, у него хорошая жена, трое детей, прекрасные отношения с его окружением. Правда, первый сбой в его жизни, о котором он поведал только старшему брату, произошел несколько лет назад: он встретил Марию, европейку, и влюбился в нее. Чувство это было сильным и взаимным, но когда Марии пришла пора возвращаться в Европу, Генри не сумел оставить семью. Расставшись с Марией, он перенес сильный стресс. Но через несколько лет он пережил новое любовное приключение — роман с ассистенткой-медсестрой, вылившийся в бешеный получасовой секс каждый вечер после окончания рабочего дня. Старший брат считает это его формой протеста

против жизненной рутины, его формой самоутверждения. Кстати, подобную коллизию, секс как форма протеста против оупляющей и нивелирующей личность действительности, единственно возможного для героя, мы встречаем в произведениях многих американских писателей 1960—1980-х годов (Апдайк, Чивера, Стайрона и других). В 38 лет у Генри выявилась серьезная болезнь сердца. Лекарства помогли ему справиться с болезнью, но ценой потери потенции. Генри, потеряв, таким образом, свою форму самоутверждения (в сексе) очень переживал и решился на серьезную операцию сердца. Далее повествуется о его похоронах. Первая часть книги называется «Базель», по названию швейцарского города, куда Генри мог бы уехать со своей возлюбленной Марией — его нереализованная возможность, несостоявшийся вариант его жизни.

Вторая часть книги, «Иудея», представляет другой вариант судьбы Генри, его противоположную жизнь. Генри пережил операцию, но после нее впал в тяжелую нервную депрессию, потерял смысл жизни. Случайная поездка в Израиль для восстановления здоровья помогла ему открыть его истинную идентичность и обрести смысл жизни. Посещение хедера заставило его понять: если что-то и было в его жизни настоящего, стоящего, так это то, что он еврей. *«Я не просто еврей, я не один из евреев — я также глубоко Еврей, как и эти евреи. Все остальное ничего не значит.... В этом — основа моей жизни.»* [4, с. 68].

Итак, герой обретает свою идентичность. В первый раз он находит ее в свободном сексе, во втором — в своей национальной идентичности. Он становится радикальным сионистом, уезжает в Иудею, бросая жену и детей. Отныне для него «Я — ничто, Мы, Иудея, — все». Он попадает под влияние предводителя радикального течения сионизма, Липмана, о котором другой персонаж, Шуки, говорит, что от него несет фашизм, вместе со своим кумиром поселяется в незаконном поселении на арабской территории и готов с оружием в руках отстаивать землю древней Иудеи, видя в служении еврейской государственности смысл жизни. Вторая часть книги называется «Иудея» — символ обретения героем своей идентичности

Сам автор, еврей Рот, не разделяет радикализм своего героя. Он доверяет выразить свою позицию Натану, свое-

му alter ego в этом романе. Натан еще в юности считал, что наибольшей свободы еврей достигает в США: «Я не могу представить себе иное историческое общество, которое достигло бы такого же уровня толерантности, законодательно закрепленного в Америке, или которое поместило бы плюрализм прямо в центр своей публично признанной политической мечты» [4, с. 60]. Он считает, что в Соединенных Штатах еврей более свободен, и может быть не менее евреем, чем в Израиле. Тех же, по сути, убеждений он придерживается и через 18 лет, приехав в Израиль за братом, которого он надеется вернуть в Штаты. Его поддерживает его израильский друг Шуки, сын одного из ярких приверженцев израильской идеи, бывший депутат Кнессета, прошедший войны с арабами и потерявший в них брата. Шуки — идейный враг Липмана, он считает, что идея основания Израйля — не в том, чтобы воевать с Сирией и Дамаском. Он называет Израиль родиной еврейской ненормальности и говорит: *«Мы здесь — зависимые евреи — от ваших денег, вашего лобби, от больших денежных дотаций от Дядюшки Сэма, в то время как вы — евреи, живущие интересной жизнью, комфортабельной жизнью, без извинений, без стыда и абсолютно независимо... Факт остается фактом: в диаспоре еврей вроде тебя живет спокойно, не испытывая страха от угрозы преследования или насилия, в то время как мы живем под страхом вечной угрозы нашим жизням, хотя приехали сюда, чтобы избавиться от этой угрозы навсегда... Это мы — вечно испуганные, живущие под страхом гетто евреи диаспоры, а вы — евреи, уверенные в себе, наслаждающиеся достижениями культуры, всем тем, что сопутствует жизни на родине»* [4, с. 81–82]. Очевидно, что, по мнению автора, доверяющего своим героям высказать свою собственную позицию, национальная идентичность евреев в США сводится к общеамериканской идентичности, растворяется в ней, и это обеспечивает подлинную свободу их жизни и самореализации. Их гражданственность — это американская гражданственность на уровне самоопределения человека.

Общим понятием, характеризующим современное состояние американской литературы, стало понятие «a patched quilt» — «лоскутное одеяло», подразумевающее отсутствие в литературе США общей идеи, ее объединяю-

шей и выражающей. На наш взгляд, такая идея существует, и состоит она в поиске самоидентичности, характерном как для литературы страны, так и для ее исторической науки, а, возможно, и других форм культуры.

Список использованной литературы

1. Edmonds W. Drums along the Mohawk. Boston, 1938.
2. Fast H. Conceived in Liberty. N.Y., 1945.
3. Fast H. The Proud and the Free. Boston, 1956.
4. Roth P. The Counterlife. N.Y., 1987.